

РОССИЯ И БРИТАНИЯ: «ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ». ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БРИТАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В XIX в.

**КЕРОВ В.В.,
доктор исторических
наук, профессор
кафедры истории
России Российского
университета
дружбы народов
(РУДН)**

В статье рассматривается диалог России и Британии в XIX веке в контексте взаимодействия британской промышленности и российского предпринимательства. Автор раскрывает особенности «индустриальной дипломатии» в европейских межгосударственных отношениях.

Ключевые слова: «индустриальная дипломатия», промышленность, предпринимательство, Россия, Британия.

В 1797 г. двадцатисемилетний крепостной помещика В.А. Всевожского, ткач на предприятии крепостного фабриканта Кононова Савва Васильев Морозов вместе с женой Ульяной основал маленькую шелкоткацкую мастерскую в селе Зуево Богородского уезда Московской губернии.

К открытию своего первого собственного предприятия Савву привел случай. За два года до этого ему выпал рекрутский жребий. Зарабатывая на фабрике всего 5 руб. в год, чтобы откупиться от пожизненной солдатской службы Савва взял в долг необходимые деньги у Кононова. Интересовавшийся раньше в основном рыбной ловлей будущий миллионер перешел на сделную оплату и два года вместе с женой усиленно отрабатывал долг. Получив опыт и привыкнув к упорному постоянному труду, Савва начал собственное дело. Шелковые кружева и ленты Морозов сначала продавал в окрестных селах, а после 1812 г. стал носить в Москву, преодолевая пешком по 100 верст от Зуева. Росту прибылей очень помогли события Отечественной войны 1812 г., когда во время пожара в Москве сгорело большинство текстильных

мануфактуры. В 1821 г. он смог выкупить у нового владельца поместья – Г.В. Рюмина себя, отца и 4 своих сыновей за огромную сумму в 17 тыс. руб. В это время на его мануфактуре работало уже 49 работников на 20 станах. В 1825 г. Морозов построил еще одну фабрику в Москве с 200 ручными станами и 250 рабочими. Тогда же он выкупил у Рюмина своего младшего сына Тимофея – уже за 20 тыс. руб. В 1830 г. зувевская фабрика была перенесена на новое место – на недавно купленную землю в м. Никольском Владимирского уезда и перестроена в товарно-отделочную и красильную фабрики. В 1837 г. были построены каменные сукнопрядильная и ткацкая фабрики¹.

Однако ручное производство не обеспечивало желаемого стабильного развития, к которому стремился Морозов. По свидетельству родственников, «настоящий коммерческий гений Морозова проявился в том, этот отделенный старообрядчеством от европейской культуры, воспитанный на Домострое бывший крепостной понял, что или его дело воспримет все новейшие достижения иностранной техники, или перестанет существовать»². Конечно, мысль о применении зарубежных машин пришла в голову не одному Морозову. Еще в 1827 г. механические жаккардовые станы появились у московского фабриканта В.Е. Соколова, а затем у других предпринимателей³. В 1838 г. на свечном и воскобелильном заводе прихожанина Рогожской общины В.А. Сапелкина впервые в России была введена топка воска парами⁴. В хлопчатобумажном деле в 30-е гг. использовались бельгийские и французские станки. И все же такие примеры были немногочисленными, а закупавшиеся станки – дорогими и не очень эффективными.

Савва Морозов пошел другим путем. В 1840 г. он поставил в Никольском первый в регионе комплекс машин, состоявший из механических шерсточесальных и прядильных станков и парового двигателя. Но ткали сукно все равно на ручных станах⁵. Дело расширилось в основном за счет развития так называемой «рассеянной мануфактуры». Морозов раздавал пряжу крестьянам окрестных сел, которые выделывали ткани вручную по домашним «светелкам». Это было недостаточно для деятельного и амбициозного предпринимателя, понимавшего необходимость сплошной механизации.

В 1839 г. Морозов познакомился с неким Людвигом Кнопом. Родственники матери Кнопа, в частности А. Фрерихс, являлись совладельцами

торговой манчестерской фирмы «Де Джерси». Они смогли устроить 18-летнего юношу представителем этой компании в России, куда сбывались ткани, пряжа и хлопок. Вывоз оборудования из Великобритании был тогда запрещен. Однако Морозов, Кноп и его брат Юлиус, работавший в главной конторе «Де Джерси», смогли заинтересовать английских производителей машин. Видимо, предложение из России было не единственным, а сами фабриканты машин считали своевременным выход на мировой рынок. Помог и экономический кризис 1842 г. Так или иначе, в результате лоббирования промышленников в этом же году был принят билль об отмене запрета на экспорт английских машин. Кноп сразу же добился монопольного права продажи в России продукции ряда британских фирм, в том числе «Бр. Плат» (станки), «Хик Харгрейвс» (двигатели) и др. «Де Джерси» обеспечила Морозову кредитную линию при приобретении станков и материалов⁶.

Морозов, впрочем, не ограничился станками и двигателями. С помощью расторопного Кнопа российские текстильщики получили не только технику. Был скопирован ланкаширский вариант текстильной фабрики, после пуска обеспечивался технический контроль. Через авторитетного в купеческих кругах Морозова Кноп установил связи со многими текстильными фабрикантами Центрального промышленного района, в большинстве своем также старообрядцами. За Морозовым последовали Малютины, Солдатенковы, Хлудовы, Гарелины, Якунчиковы и десятки других российских фабрикантов. За три десятилетия было построено 122 крупных текстильных предприятия⁷. Появилась поговорка: «Что ни церковь, то поп, что ни фабрика, то Кноп»⁸.

В 1846 г. были основаны и в 1848 г. запущены новые бумагопрядильная и бумаготкацкая фабрики. По мнению главного механика Владимирской губернии И.Е. Несытова, фабрики были «образцовыми» и продолжали развиваться. На предприятии к 1854 г. в трех 3-4-х этажных каменных корпусах работало 4 паровых двигателя на 160 л.с., которые приводили в действие св. 44 тыс. веретен и 84 самоткацких станка. И.Е. Несытов писал в это время: «Есть надежда, что Ново-Зуево (так иногда именовалось м. Никольское – В.К.) со временем будет одним из замечательных мест Владимирской губернии. Такое блестящее начала его учреждения и деятельности не может не ручаться за будущую знаменитость его опытных производителей-ману-

фактуристов»⁹. В 1861 г. мощность двигателей выросла до 336 л.с., а число станков – до 460. Перед самой смертью в 1860 г. С.В. Морозов преобразовал свою фирму в торговый дом «Савва Морозов с сыновьями» на паях. К 1865 г. морозовские капиталы, вложенные в 7 фабрик, обширные земельные угодья и множество торговых лавок, насчитывали 5855 тыс. руб.¹⁰. Однако развитие «ланкаширских» предприятий было таким интенсивным, что уже через 5 лет годовой объем производства только Никольской мануфактуры составлял 5,9 млн. руб.¹¹.

Все техническое превосходство Морозовских фабрик было основано на британском оборудовании. В первые годы это было оборудование фирмы «Братья Плат и Ко», приобретаемое через ту же «Де Джерси». Это были надежные машины, но, по отзывам современников, не всегда речь шла о новейших разработках. Кноп «более чем осторожно следовал ланкаширским нововведениям». Некоторые даже критиковали Кнопа за техническую отсталость и за то, что он никогда не стремился к усовершенствованию созданных с его помощью, высокоприбыльных, впрочем, фабрик¹². Кроме того, материалы и сырье, поставлявшиеся Кнопом, не всегда были высокого качества. Т.С. Морозов неоднократно писал членам правления и директорам, что следует проверять все поступающие партии хлопка, так как часто они бывают «разного качества»¹³.

В результате Тимофей Саввич Морозов, ставший фактическим руководителем и главным владельцем Торгового дома, а с 1873 г. – Товарищества, не был удовлетворен таким сотрудничеством. Он, как и некоторые другие фабриканты, например, Коншины, открыл в Ливерпуле специальную контору, через которую закупалось оборудование, материалы и хлопок. С помощью этой конторы Морозов смог установить новые контакты и преодолеть монополию Кнопа и «Де Джерси». С 1860-х гг. разнообразные трепальные, щипальные, промывальные, отжимные, ворсальные, стригальные, надиральные, сушильные, отдувальные, белильные, колотильные, накатывательные, набивные, чесальные и другие машины покупались после тщательного анализа их качества и стоимости у более чем 10 английских фирм. Среди них были «Куртис сын и Ко»¹⁴, «Вольф Хаше и Ко», «Бр. Смитт» и др. Паровые машины закупались у «Музгрев и Сын», «Грин и Сын», «Джон Гаррисон с сыном», «самоткацкие» станки – у «Роберт Холл

и Ко» и «Рик Гаврес и Ко». Расширяя связи с английскими производителями Морозов обеспечивал постоянное усовершенствование предприятия и обновление машинного парка¹⁵.

Организацией закупок в ливерпульской конторе занимались английские специалисты Дж. Аштон, Дж. Россель, А. Харрисон, Дж. Вольдман, Т. Торнтон, И. Селлер и др. Не отказывался Морозов полностью от сотрудничества с «Де Джерси», хотя и в ряде случаев давал указания брать, например, хлопок у других компаний, там, где его качество было выше¹⁶.

В Великобритании закупалось не только оборудование, но детали к нему, весь слесарный инструмент, болты, гайки, и даже сновальные катушки и «бумажные трубочки для мюльных машин»¹⁷. Но, если все машины изготавливались в Великобритании, с 1860-х гг. производство некоторых компонентов постепенно создавалось в России – в собственной мастерской при фабриках. Кроме того, в России начали делать необходимые деревянные и кожаные детали – те же катушки, веретена, ремни и пр. При этом, в Англии могли приобретаться небольшое количество новых образцов, которые затем тиражировались на отечественных фабриках. Так, в 1873 г. через Ливерпуль было куплено несколько десятков сновальных катушек, а затем фирме Ф.А. Петрова было заказано более 3,4 тыс. катушек¹⁸.

Также в Англии приобретались и образцы тканей, но здесь Морозов в большей степени ориентировался на вкусы российского покупателя. В рисунок и состав ткани вносились изменения: узоры морозовских ситцев крайне редко были английскими буквально.

Схожей была ситуация с персоналом новых фабрик. Поначалу почти весь квалифицированный персонал прибывал из Великобритании. Конечно Кноп, поставлявший русским текстильщикам британских менеджеров и мастеров, не смог бы привлечь такое количество специалистов. Поэтому мастера занимали должности инженеров, а простые ткачи и прядильщики становились в России мастерами. В ряде случаев бывшие мастера служили на директорских постах¹⁹. В Никольском их жилища были расположены на одной из центральных улиц, которая получила название «Англичанской».

Английские специалисты сыграли большую роль в постановке производства в первые годы. Так, бумаготкацкой фабрикой Никольском в 50-х гг. руководил английский инженер Штикрос, еще

пять англичан заведовали отдельными производствами²⁰. Прядильную фабрику с самого начала возглавил механик Я. Александер, за эксплуатацию машин отвечал инженер В. Рутгор, производство контролировали мастера В. Шервинг и У. Хойл²¹. Однако уже через 10–15 лет ситуация изменилась. На фабриках все больше использовались российские инженеры и мастера, окончившие отечественные коммерческие и технические учебные заведения и прошедших стажировку в Англии. Британцев в хлопчатобумажной текстильной промышленности становилось все меньше. На фабриках Товарищества «Саввы Морозова Сын и Ко» в начале 70-х гг. осталось не более 10 англичан, в том числе директор прядильной фабрики Д.Ф. Робинсон, 3 механика, чесальный и прядильный мастера и др.²².

Оклады британцев также несколько сократился по сравнению с первыми годами работы фабрик, оставаясь, впрочем, весьма значительными для России. Так, ставший в 1863 г. директором бумагопрядильной фабрики «Иван Карлович» Риг получал в среднем 12–14 тыс. руб., последовавший за ним «Иван Васильевич» Престон во второй половине 60-х гг. зарабатывал 9–10 тыс., «Ардаман Андрианович» Сутугин в начале 70-х гг. уже был ограничен 8–9 тыс. Мастера при этом получали оклады, значительно превосходившие заработки своих российских коллег. В начале 1870-х гг. механики и мастера из Британии ежегодно получали от 1580 до 2180 руб. (за одним единственным исключением), в то время как самый высокооплачиваемый механик из русских зарабатывал всего 800 руб. Для сравнения – такой квалифицированный специалист как врач на морозовских предприятиях имел зарплату в 2500 руб.²³.

Оклады, однако, не были единственной формой вознаграждения для британцев. Кроме денег, они получали полное содержание – «харчевые и прочие припасы, им предоставлялись благоустроенное жилье с бесплатным отоплением, освещением, прислугой, в том числе кучером. Квартиры и дома в случае необходимости ремонтировались за счет предприятия. Инженеры и директора пользовались загородными дачами и экипажами. Д.Ф. Робинсон, например, имел в своем распоряжении пролетку, коляску, тарантас, шарабан, трое саней и трех лошадей. Реестр бытовых предметов, предоставлявшихся Товариществом, составляет более 150 наименований – от занавесей с бахромой и бокалов до ковров, посуды и «зеркалов».

Правда, наблюдалась социальная дифференциация. В квартире механика Р.Х. Монкса не было канделябров и молочника, у механика Дж. Сволло отсутствовала железная ванна и ковры. Зато у директора Робинсона были и тиковые занавеси, и ковры, и канделябры. Кое-какие предметы быта, впрочем, англичане привозили с собой, не доверяя российскому производителю. Тот же Робинсон привез одеяла, полотенца и многое другое, вплоть до ночной вазы²⁴.

Несмотря на высокие оклады и содержание, английские специалисты, по словам современников, уезжая, «не знали условий России» и не всегда были удовлетворены своим новым положением. Подчас они не соответствовали своей квалификацией возложенными на них обязанностями, как механик Монкс, получавший в отличие от своих коллег всего 900 руб., или директор И.В. Престон, контракт с которым был прекращен Товариществом до его формального окончания²⁵. Такие случаи, впрочем, были редки, но все же директора, инженеры и мастера недолго задерживались в России.

Важно, что они были лишены привычного для них социального окружения. Англичане привозили семьи, иногда многочисленные, но не имели возможности сходить в паб или клуб. Отношения с российскими администраторами и хозяевами не были идеальными. Известны случаи конфликтного поведения английских специалистов, иногда принимавшего курьезные формы. Так в 1873 г. директор Большой Никольской фабрики с возмущением писал в Главную контору Товарищества, что работающие с 1871 г. английские мастера и механики в который раз перебили посуду, и стаканы, рюмки (по 2–3 дюжины) и графины (по 5–6 штук) выдаются им в последний раз, а больше директор выписывать посуду для англичан не будет, «вменив им в заботу покупать самим»²⁶. В то же время трудовых конфликтов с англичанами происходило очень немного. Большинство специалистов достойно выполняли свои обязанности, помогая российским управляющим развивать производство и воспитывать новые квалифицированные кадры рабочих.

Таким образом, российская крупная хлопчатобумажная индустрия представляла собой парадоксальное явление. Значительный сектор российской промышленности сформировался и быстро вырос без какой бы то ни было помощи правительства. Его создание началось за два десятилетия до начала промышленного переворота в других отраслях,

проходившего при усиленной поддержке, в том числе финансовой, государства. Огромные фабрики, насыщенные передовым английским оборудованием, были построены по британскому образцу, на средства британских кредитов, с помощью и при техническом контроле британских специалистов. Однако инициаторами и организаторами этого в своем подавляющем большинстве прорыва являлись приверженцы старообрядчества – консервативного направления в российском православии.

Старообрядцами на всем протяжении их истории субъективно ставилась задача «бегать новизны... если новизна непотребна, то старина священна». Речь шла прежде всего о задаче избегать именно религиозной, «церковной» новизны – «уклоняться... скверных новизн... то есть – новых учений, дел, мнений противных старины и древности, в случае принятия которых, необходимо должна рушиться вера благодатных отцев». Однако в условиях, когда в старообрядчестве произошла сакрализация повседневности, когда даже быт ревнителя древнего благочестия оказался включенным в вероисповедный контекст, запрет на «пагубное дело изобретать новизны... что-либо новое», был распространен на все стороны методически регламентированной жизни староверов²⁷.

Особенно резко воспринимались «скверные новины», заимствованные Петром I и его последователями из западно-европейских культурных, бытовых и других традиций. Действительно, вплоть до XIX в. старообрядцев характеризовало полное неприятие иностранных обычаев в религиозном отношении и в бытовой сфере: от «немецкого образца одежды», галстука – «удавки вместо креста», «перчаток иноземных», «иноземных седел» до «ядения травы салата» и «игрищ» – клубов, театров, маскарардов²⁸. Правилами старообрядцев также запрещалось «православным христианам сообщаться в молитве, в пище и в питии, в дружбе же и в любви с иноверными... и с инославными»²⁹.

В то же время, отвергая «траву салат», в деловой сфере часто именно предприниматели-староверы первыми вводили заимствованные у иностранцев «новины», активно вели дела с представителями различных конфессий. С середины 1840-х гг. младший сын Саввы Васильевича – Тимофей стал активно помогать отцу, он неоднократно выезжал в Великобританию с Кнопом, где изучал текстильное производство³⁰. Сын Тимофея Саввича – Савва Второй, окончив Московский университет, в 1885 г. поехал в Англию, чтобы изучать химию в Кем-

бриджском университет и познакомиться на практике с передовых английским текстильным производством в Манчестере и Ливерпуле³¹.

И эти контакты, так же как и лидерство староверов на определенном этапе во внедрении новой, прежде всего – импортной техники были вызвано отнюдь не компромиссами «с окружающей жизнью». В вопросах важных, также имеющих отношение к спасению души, но не связанных с предприятием, даже в милосердии и благотворительности, отрицание заимствований и новаций продолжалось еще длительное время. Так, рабочие, стоявшие у современных станков английских фирм, попав в госпиталь Рогожской общины, оказывались на деревянных койках, так как железные кровати, больше отвечавшие санитарным требованиям и уже стоявшие в военных госпиталях, были признаны попечителями «заграничным новшеством»³².

Так же как и его отец, Тимофей Савич являлся строгим приверженцем старой веры. Он был деятельным участником и одним из руководителей общественной жизни Рогожской общины, членом Совета выборных и попечителей от прихожан (в списке которого одно время он числился первым), много жертвовал для процветания Рогожской общины, на содержание призреваемых и воспитываемых ею, принимал активное участие в деятельности общины, направленной на расширение прав старообрядцев, в борьбе вокруг Окружного послания и т.д.³³. Фигура Морозова была так значима для старообрядчества, что при создании в 1911 г. портретной галереи выдающихся деятелей согласия при Рогожском кладбище, бывшем штаб-квартирой поповцев, совет общины заявил «о желательности помещения» портрета Т.С. Морозова среди первых, наряду с изображениями умерших священников³⁴.

Несмотря на его частые поездки за рубеж, посещения Английского клуба в Москве и «широкое образование», которое он дал детям (в том числе знание европейских языков), по мнению его близких, «Тимофей Саввич принадлежал еще к поколению «старой веры», мало затронутому западно-европейской культурой»³⁵. Он считался глубоко религиозным человеком, «истым» и среди старообрядцев³⁶, даже скончался он, стоя на коленях в моленной своей дачи в Мисхоре³⁷.

Объяснение парадоксов старообрядческой промышленности заключалось в другом – в системе ценностей старообрядцев. Конфессиональные

запреты не распространялись на случаи «благословенной вины (причины – *В.К.*) и великой надлежащей нужды»³⁸. Такой «благословенной» причиной и было дело. Сформировавшаяся в начале XIX в. духовная концепция Дела стала ядром конфессиональной этики старообрядческого хозяйствования. Восприятие Дела как «работы о господе», как личного христианского подвига определило ревностное к нему отношение староверов-предпринимателей. Концепция ориентировала на предпринимательство современного типа и во взаимодействии с другими конфессионально-этическими компонентами староверия способствовала складыванию новой деловой культуры. Ее важнейшими составляющими стали не только личная честность и добросовестность, но и необходимость личного организаторского труда хозяина, личная ответственность за дело предпринимателя и его работников, стремление к укреплению и развитию предприятия.

И успех этого дела в прядильном, бумаготкацком, суконном производстве, был невозможен без использования западных машин и приглашения, по крайней мере, на первых порах, мастеров из Англии. И старообрядческие фабриканты, способствуя укреплению «истинного православия», активно вводили иностранную технику и технологию на своих предприятиях, отмаливая затем свои грехи, сознательно совершаемые ради главного в их жизни.

Таким образом, одним из «каналов» проникновения британской индустриальной мысли и техники в Россию стала система связей ливерпульских и манчестерских фабрикантов с крупными хозяевами – представителями старообрядческого сообщества. Результатом этого взаимодействия стала самая крупная в России XIX в. отрасль промышленности – хлопчатобумажная и ускорение модернизации отечественной экономики.

ССЫЛКИ:

- ¹ См.: *Шишмарев Д.И.* Краткий очерк промышленности в районе Нижегородской и Шуйско-Ивановской железной дороги. – СПб., 1892. – С. 25, 26, 29; *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. – М., 1917. – С. 1; *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин российского пролетариата. К 100-летию Морозовской стачки 1885 г. – М., 1985. – С. 16–17; *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797/1917. – М., 2004. – С. 48; *Ситнов В.Ф.* К истокам родословия // Купцы Морозовы – российский предприниматели и меценаты. Юбилейные Морозовские чтения 20–22 февраля 1997 г. – Орехово-Зуево, 1997. – С. 115–116;
- ² *Кривошеин К.А.* Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. – М., 1993. – С. 41.
- ³ См.: *Рустик О.* Старообрядческое Преображенское кладбище (как накопились капиталы в Москве) // Борьба классов. – 1934. – № 7–8. – С. 75.
- ⁴ См.: *Стадников А.В.* Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. – М., 2002. – С. 139.
- ⁵ *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин... – С. 15–16.
- ⁶ *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России (Московско-Владимирская хлопчатобумажная промышленность). – М., 1899. – С. 35; *Лачаева М.Ю., Петров Ю.А.* Кноп Лев Герасимович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия. – М., 2008. – Т. 1. – С. 998.
- ⁷ *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России... – С. 34–36.
- ⁸ *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. – С. 1.
- ⁹ *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха... – С. 51.
- ¹⁰ Не считая капиталов отделившихся ранее от отцовского дела Елисея и Захара Морозовых.
- ¹¹ *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин... – С. 19, 21, 22, *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха... – С. 50.
- ¹² *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России... – С. 32, 36.
- ¹³ ЦГА МОСКВЫ. – Ф. 342. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 1.
- ¹⁴ Названия британских компаний даются в русской транскрипции той эпохи.
- ¹⁵ ЦГА МОСКВЫ. – Ф. 342. – Оп. 1. – Д. 52. – Л. 1–33; Оп. – 2. Д. 33. – Л. 1–142; Д. 34. – Л. 115, 33 и др.
- ¹⁶ Там же. – Д. 76. – Л. 1–2.
- ¹⁷ Там же. – Д. 52. – Л. 1–33; Оп. – 2. – Д. 33. – Л. 1–142; Д. 34. – Л. 115, 33 и др.
- ¹⁸ 342. – Оп. 2. Д. 34. – Л. 5, 23об, 24 и далее. Позже Морозов попытался организовать производство прядильных машин в России на механическом заводе Товарищества, где было занято более 300 чел.
- ¹⁹ *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России... – С. С.
- ²⁰ *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин... – С. 19

- ²¹ Поткина И.В. На Олимпе делового успеха... – С. 51
- ²² ЦГА МОСКВЫ. – Ф. 342. – Оп. 7. – Д. 3. – Л. 5–6.
- ²³ Там же. – Л. 4, 6.
- ²⁴ Там же. – Л. 7–7об, 11, 13–13об; Д. 1. – Л. 1; Д. 2. – Л. 1–2.
- ²⁵ Там же. – Л. 4, 6.
- ²⁶ Там же. – Л. 1.
- ²⁷ Историко-каноническое обозрение старообрядческого общества. – Л. 34–34об, 38 // Рукопись из фондов ИНИОН РАН / ВХ 601 1г.
- ²⁸ См.: Мельников П.И. Очерки поповщины // Мельников П.И. Полн. собр. соч. – СПб.; М., 1898. – Т. 14. – С. 48–49.
- ²⁹ См.: [Ксенос И.Г.] История и обычаи Ветковской церкви. – Н.-Новгород, [1906]. – С. 101.
- ³⁰ Лаврычев В.Я., Соловьева А.М. Боевой почин... – С. 19.
- ³¹ Морозова Т.П., Поткина И.В. Савва Морозов. – М., 1998. – С. 58–59.
- ³² См.: Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. Исторический очерк. – СПб., 1870. – С. 81; Мельников П.И. Очерки поповщины. – Т. 13. – С. 363.
- ³³ См.: НИОР РГБ. – Ф. 246. – Оп. 2. – Д. 6; Оп. 3. – Д. 5, 6; Оп. 5. – Д. 4. – Л. 7, 80, 114, 125, 128; Оп. 6. – Д. 4; Оп. 152. – Д. 1-3; и др.; Ф. 247. – Д. 425.
- ³⁴ Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. – М., 2005. – С. 135.
- ³⁵ Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин... – С. 43.
- ³⁶ См.: Морозов С.Т. Дед умер молодым. – М., 1992. – С. 13.
- ³⁷ См.: Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин... – С. 43.
- ³⁸ См.: [Ксенос И.Г.] История и обычаи Ветковской церкви. – С. 101.

Kerov V.V. Russia and Britain «industrial diplomacy». Interaction of British Industry and Old Believer Entrepreneurship in the XIX century / Peoples' Friendship University of Russia.

The article considers the dialogue between Russia and Britain in the XIX century on the interactions of British industry and the Russian entrepreneurship. The author reveals the features of «industrial diplomacy» in European international relations.

Keywords: «Industrial diplomacy», industry, entrepreneurship, Russia, Britain.

Керов В.В. Росія і Британія: «індустріальна дипломатія». Взаємодія британської промисловості і старообрядницького підприємництва у ХІХ ст. / Російський університет дружби народів (РУДН).

У статті розглядається діалог Росії та Британії в ХІХ столітті в контексте взаємодії британської промисловості і російського підприємництва. Автор розкриває особливості «індустріальної дипломатії» в європейських міждержавних відносинах.

Ключові слова: «індустріальна дипломатія», промисловість, підприємництво, Росія, Британія.

Стаття надійшла до редколегії 06.05.2013

Прийнята до друку 03.06.2013